УДК 94 (47)
DOI: 10.17223/19988613/57/9

Е.В. Бадаев, О.В. Бирюкова

ВОПРОСЫ «СОВЕТСКОГО БЫТА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА

На основе высказываний советских политических лидеров проанализированы три основных аспекта дискуссии: понимание сущности советского быта, основные направления формирования нового социального поведения населения, конкретные инструменты для решения актуальных вопросов формирующегося советского быта. Основной акцент делается на том, что партийное руководство, не имея четкого представления о социокультурном положении граждан, использовало административные рычаги в организации быта населения.

Ключевые слова: повседневность; трансформация; советский быт; хозяйство; пролетариат; культура; просвещение; В.И. Ленин; Л.Д. Троцкий; А.В. Луначарский.

Вопросы формирования «нового быта» в социальном контексте модернизационных задач советского общества 20–30-х гг. XX в. привлекают интерес отечественных и зарубежных историков и культурологов. Большинство работ по данному вопросу опубликовано в рамках изучения «истории повседневности». Авторы подобных работ проводят анализ различных сфер советской повседневности либо в контексте глобальных процессов, что связано с изучением социокультурных практик при переходе к индустриальному обществу, либо в российском историко-культурном контексте, выходящем за пределы советского периода. Присутствует и определенный массив работ, раскрывающий отдельные аспекты нового советского быта: советская кухня, алкогольная политика, просветительская деятельность и т.д. Однако, как правило, слабо освещается культурная и политическая логика, лежащая в основе формирования бытовых практик советского общества в 20-е гг. XX в.

Раскрытие данной логики, на наш взгляд, наиболее эффективно возможно через использование методологического подхода «образа будущего», так как «образ будущего» несет на себе мощнейший отпечаток времени его создания. Конструируемые в каждой исторической эпохе представления о некой возможности (образ потенциального будущего), ожидание определенной перспективы оказывают реальное влияние на настоящее, эмоциональное и интеллектуальное состояние человека в момент современного для него времени, а социальное ожидание моделирует поведение социальных групп. В условиях советских социальных практик 20-х гг. XX в. стиль поведения, ориентированный на будущее, становится приоритетным в государственной политике, предвосхищая новую духовность, новые нравственные ориентиры и, как следствие, новый, основанный на этих ориентирах советский быт.

В начале 20-х гг. XX в., в условиях идущей социокультурной трансформации советского общества, отношение к вопросу строительства нового советского быта среди советских государственных деятелей было неоднозначным. Одним из первых, кто обратил внимание на проблемы формирования «нового социалистического быта», был В.И. Ленин. Он болезненно

переживал имеющуюся диспропорцию между идеологией и той социальной реальностью, в которой существовал рядовой советский гражданин. В конспекте, подготовленном к XI съезду партии, он отмечал, что ключевой проблемой настоящего времени является: «разрыв между всемирно-историческим величием задач, поставленных и начатых (революцией) и нищетой материальной и культурной» [1. С. 414]. В этих условиях вопросы «нового социалистического быта», по мнению В.И. Ленина, должны были быть в центре внимания государственного и партийного руководства.

Иной позиции придерживался Л.Д. Троцкий. Обращаясь к реалиям времени, он не отделял вопросы бытовых практик от решения ключевых задач, поставленных революцией. Троцкий прежде всего обращал внимание на тот факт, что Россия «вступила на путь пролетарской революции не потому, что ее хозяйство первым созрело для социалистического переворота, а потому, что оно вообще не могло дольше развиваться на капиталистических основах. Обобществление собственности на средства производства стало необходимым условием прежде всего для того, чтобы вывести страну из варварства...» [2. С. 33]. Однако выведение «страны из варварства» не предполагало приоритетности вопросов, связанных с формированием новых бытовых практик. Л.Д. Троцкий иначе расставлял модернизационные приоритеты. Он считал, что приоритет должен сохраняться за разрешением более прагматичных задач. Он писал: «Войдя в социалистическую революцию как “самое слабое звено капиталистической цепи”, бывшая империя царей... после переворота стоит еще перед задачей “догнать и перегнать”, следовательно, прежде всего догнать – Европу и Америку, т.е. разрешить те технические и производственные задачи, которые давно разрешил передовой капитализм» [Там же].

Позиция Л.Д. Троцкого по вопросам «нового быта» тем не менее не была однозначной. Именно он одним из первых в партии осознал значимость внимания к вопросам бытовой реальности советского гражданина и возможность их использования во внутривластной борьбе. Формирование коммуникативного пространства по вопросам повседневности между ним, партией

и населением стало одной из важных задач в его деятельности в 1923 г. Используя возможности газеты «Правда», Л.Д. Троцкий обратился к партии и населению с призывом широкой дискуссии по «вопросам рабочего быта и коммунистического “культурничества”» [3. С. 135]. Собранные на основе «живого отклика» граждан материалы должны были позволить ему сконструировать привлекательный для граждан «образ» новой социальной реальности, способной воплотиться в практику в ближайшие годы.

Осознание того факта, что начатая революцией социокультурная трансформация общества не может быть сведена только к решению технических вопросов и производственных задач, заставляло советских государственных деятелей обращать более пристальное внимание на проблемы повседневности. Стало проявляться понимание того, что кардинально должен был измениться весь образ жизни советского человека, причем перестройка повседневного бытия должна осуществляться осознанно, под руководством государства. Так, рассуждая о взаимосвязи политики, экономики и повседневности, нарком просвещения А.В. Луначарский особо подчеркивал, что сама по себе политика является орудием для совершения хозяйственного переворота, а само хозяйство является «базой для переворота бытового, для изменения повседневного существования каждого человека» [4. С. 8]

Луначарский считал, что социалистические преобразования должны заложить основу новой жизни – не только в идеологическом смысле, но и на уровне повседневности. Он утверждал, что пролетариат взял власть в свои руки не ради власти, а именно с целью переустройства всего хозяйства. Понятия «социализм» и «новый хозяйственный строй» для А.В. Луначарского являлись синонимами, так как их ключевая задача заключалась в создании нового фундамента для человеческой жизни, способной раскрыть все грани заложенных в человеке творческих возможностей.

Он не сомневался, что это будут изменения к лучшему: «Можно заранее предсказать, что к тому времени, когда мы начинаем более или менее устраивать нашу общественную жизнь, вопросы быта начнут выдвигаться на первый план. Пройдет год-два, и эти вопросы станут на самом первом месте всего нашего строительства, потому что настоящая цель революции есть именно полное пересоздание быта» [Там же. С. 3]. Переустройство быта, таким образом, мыслилось как конечный итог революционного преобразования общества.

Однако оставался открытым вопрос о конкретном конструировании содержания «образа» этого «нового советского быта». Первым, кто попытался ответить на этот вопрос, был В.И. Ленин. По его мнению, социализм должен был помочь внедрить в стране просвещение и те основы европейской цивилизованной жизни, которых России, по мнению российской интеллигенции, катастрофически не хватало. «Образ нового быта» у Ленина приобретал утилитарные черты, исходя из социальных и идеологических требований реальности начала 20-х гг. XX в. Прежде всего речь шла об элементарных нормах гигиены и правилах бытового

поведения. Образ «нового социалистического быта», по В.И. Ленину, можно было свести к своеобразной формуле: просвещение плюс гигиена и правила бытового поведения, помноженные на коммунистические принципы. Задача новой марксистской интеллигенции сводилась к необходимости научить людей сморкаться в платок и мыть посуду.

Иной посыл лежал в размышлениях о формировании образа «нового быта» у А.В. Луначарского. Он исходил из потребностей самого «человека». «Само хозяйство, – писал Луначарский, – имеет смысл только с той точки зрения, насколько оно позволяет организовать счастливую, упорядоченную братскую жизнь людей, дает возможность всем талантам, дремлющим в человеке, развернуться широко в творческую, торжественную, блистательную жизнь. А вот эта-то самая жизнь, эта жизнь как самоцель и есть быт». «А в чем же будет заключаться его жизнь? – задавался вопросом нарком. – Она будет заключаться в свободном развитии всех заложенных в человеке возможностей. А к этому, собственно, и сводится культура» [5].

Вопрос о конструировании образа «нового советского быта» А.В. Луначарский увязывал с проектом создания образа нового советского человека. Парадокс заключался в том, что посыл Луначарского был сложно реализуем в условиях социальной практики НЭПа. Если гражданская война и практика военного коммунизма сформировали первый идеал советского человека, непримиримого классового борца, готового пожертвовать собой ради общего блага, то в условиях социально-экономической реальности НЭПа власть фактически перестала нуждаться в таких пламенных реально существующих борцах. Новый, целостный идеал советского человека оформится только в социально-экономической и культурной реальности 1930-х гг. Советскому человеку должны были быть присущи общественно-политическая и трудовая активность, глубокая преданность общему делу, высокие моральные качества, любовь к труду, так как труд должен был восприниматься не как тяжелое и заторное бремя, а как дело чести и героизма.

Государственная линия 20-х гг. XX в., связанная со строительством нового советского быта под влиянием указанных факторов, оказалась близка к ленинской утилитарной триаде: просвещение – бытовая культура – идеология. Такой утилитарно-идеологический подход и провал попытки Л.Д. Троцкого запустить дискуссию по проблемам повседневности не позволили государственным и партийным деятелям сконструировать привлекательный для населения образ «нового социалистического быта» с опорой на запросы граждан в соответствии с существующей социальной реальностью.

В условиях разворачивающейся внутривластной борьбы попытки конструирования образа «нового быта» ушли на второй план. Акцент сместился на поиск эффективных инструментов, способных решать конкретные проблемы быта, а также давать импульс к развитию новых социальных практик, как идеологически выверенных, так и востребованных повседневностью. С одной стороны, эти инструменты адаптировались под реальную ситуацию, с другой стороны, опыт

их применения позволял получить более объективную информацию о тех реалиях, которые проявились в ходе ускоренной (шоковой) трансформации советского общества.

Можно выделить несколько ключевых инструментов, задействованных государством для формирования нового советского быта. В качестве инструмента культурно-просветительской политики создавалась система клубов. Свободное время советского гражданина рассматривалось не просто как отдых от работы, а как возможность повысить свой культурный уровень. Просветительская деятельность государства в первую очередь концентрировалась на организации досуга. «Клуб сам по себе – организация «новобытская», – писал журнал «Культурная революция». – Новый быт – быт социалистический, коллективный. Клуб зовет проводить свободное время не в одиночку, а вместе, в коллективе, клуб зовет коллектив строить новую жизнь, клуб организует отряды борцов за новую жизнь... Классовая борьба развертывается и в быту. Разве не классовая задача – отвоение клубом у церкви и пивной рабочего, разве не политическая задача – поднять миллионы на организацию общественного питания?» [6. С. 4]. Таким образом, государство надеялось, что клуб создаст условия, в которых рабочие смогут одновременно использовать новые возможности для проведения досуга и получения новых знаний о самых разных сторонах жизни.

Социальная реальность НЭПа выхолащивала в основной массе населения идеал «классового борца». Культпросветработа сталкивалась с агрессивным неприятием идеологических установок и вандализмом со стороны пролетариата и молодежи. Пресса того периода фиксирует иные запросы населения. Один из журналов отмечал, что повсеместно можно столкнуться с тем, что «значительная часть молодежи ходит (не в клубы), а на домашние “вечеринки”, “балешники”, где процветают пьянство, грубый флирт, армянские загадки и еврейские анекдоты, “тустеп” и “цыганочка”. Все это часто заканчивается драками, поножовщиной, увечьями». Лекции и кружки не могли отвлечь от пьянства и наркомании: «Шинкарки-мамки возле клубов продают водку, самогон, кокаин, морфий... Пьют многие партийцы, комсомольцы, пьют даже пионеры» [7. С. 31].

Массы рабочего класса, как наглядно демонстрировала данная ситуация, вели себя совершенно не так, как предполагалось в соответствии с идеологическими представлениями, господствующими в сознании государственных и партийных деятелей. Поведение рабочих масс не было определено целенаправленной деятельностью чуждых элементов или классовым врагом. Оно определялось отсутствием четкого понимания образа «нового быта» и, как следствие, отсутствием мотивации для «работы над собой».

Не оставалось ничего другого как убеждать рабочих в необходимости изменить свое поведение. В ответ на вандализм, хулиганство и пьянство власти настойчиво продолжали развертывать свои просветительские программы, затрачивая на это значительные средства. Несмотря на то, что государство не смогло полностью искоренить упомянутые выше социальные

пороки, оно создало определенную инфраструктуру культурных учреждений, способных непосредственно влиять на повседневную жизнь населения и, таким образом, внедрять новые культурные нормы и практики в социальную реальность.

Важным инструментом формирования социальных и культурных практик «нового советского быта» стали мероприятия, направленные на «раскрепощение женщины». В.И. Ленин был одним из первых, кто поднял вопрос об изменении роли женщины в системе существовавших социальных отношений. Он отмечал, что «не ограничиваясь формальным равноправием женщин, партия стремится освободить их от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства путем замены его домами-коммунами, общественными столовыми, центральными прачечными, яслями и т.п.» [8. С. 425].

Л.Д. Троцкий более точно указывал на тот социальный институт, который мешал формированию новой социокультурной модели поведения женщины – семью. «Революция, – писал Л.Д. Троцкий, – сделала героическую попытку разрушить так называемый “семейный очаг”, т.е. то архаическое, затхлое и косное учреждение, в котором женщина трудящихся классов отбывает каторжные работы с детских лет до смерти» [2. С. 174].

Подобный подход порождал противоречащие друг другу социальные тенденции: с одной стороны, проявилось стремление перевести частную жизнь женщины из традиционной корпоративной структуры (семьи) в коллективную сферу на основе новых корпоративных форм (дома-коммуны, общественные столовые и т.д.); с другой стороны, сам инструментарий по реализации задачи эмансипации женщины максимально индивидуализировал ее поведение вплоть до минимизации ее социальной роли матери. На уровне бытовой практики эти тенденции проявились в следующем: строительство жилых рабочих кварталов с клубами и кинотеатрами, но строительство квартир без кухонь; строительство детских садов, ясель, столовых, прачечных и различных учреждений службы быта, которые параллельно создавали и «женские» рабочие места.

Особое место в данной политике отводилось женским клубам и кружкам. Клубы и кружки являлись одними из важных инструментов в проведении культурной эмансипации женщины. В книге «Женщина и быт» рассказывалось о том, что для женщин в клубах нужно устраивать специальный «женский уголок», куда женщина, не доросшая еще по сознательности и грамотности до мужчины, может приходить, слушать лекции и одновременно заниматься привычной для себя работой, например шить. «Первая задача этих бесед за кройкой и шитьем – пробить брешь в умственной отсталости женщины-работницы, заинтересовать ее новой жизнью, пробудить к самостоятельности. В дальнейшем, будучи уже вовлеченною в клуб, она подвергнется более серьезной культурной обработке». Поскольку женщина еще не приучена систематически мыслить, «нужно ставить вопросы и отвечать на них житейски просто, без загибов в “высокие материи”» [9. С. 13].

Наряду с клубами вопросами культурного развития женщин занимались специализированные женские

журналы («Работница», «Крестьянка»). В журналах регулярно публиковались статьи, рассказывающие о проблемах женской физиологии, об уходе за собой, воспитании детей и т.д.

Если государство сознательно стремилось эмансипировать женщину, освободить ее от семейного рабства, то вопросы перевоспитания мужчин не поднимались. Вопросы отношений в семье в сознании советского мужчины при этом продолжали основываться на устоявшейся традиционной системе внутрисемейных отношений. Это привело к парадоксальным последствиям, отразившимся в социальных практиках нового советского быта: участие и роль женщины в общественной и производственной жизни выросли, особенно среди молодежи; советская женщина не отказалась от традиционной системы внутрисемейных отношений, сохраняя и оберегая ценность частной жизни, несмотря на то что оказалась в ситуации «двойной ноши»; она усилила давление на власть, выразившееся в требованиях более активного развития предприятия-ми службы быта для облегчения домашнего рутинного труда.

Сложности с внедрением новых социальных практик и культурных норм в повседневную жизнь советского гражданина заставили государственных и партийных деятелей в конце 20-х гг. XX в. вновь обратить свое внимание на проблему конструирования действенного образа «нового советского быта». Новые реалии указывали на необходимость корректировки

государственной политики в вопросах быта с учетом сопряжения интересов государства и института семьи. Возникли предпосылки для осуществления так называемого консервативного поворота, направленного на сохранение такого социального института, как семья.

Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что вопросы строительства «нового советского быта» достаточно рано оказались в центре внимания представителей государственной власти. На протяжении всего периода 1920-х гг. работа по воспитанию граждан в рамках нового утилитарно-идеологического подхода, приучению их к нормам городской жизни была важным элементом разворачивающейся советской модернизации. В то же время в государственных и партийных кругах отсутствовало четкое целостное видение того, что из себя должен представлять «новый советский быт». Это замедляло процесс решения вопросов строительства «советского быта» при мотивированном участии самих граждан. Государственная политика в данном вопросе скорее выстраивалась в логике действия «потому что», нежели в мотивации населения в логике действия «для того, чтобы». Это определяло ценность тактических шагов, направленных на решение утилитарно-прагматичных социальных задач, способных запустить процесс строительства новых социальных и культурных практик «советского быта» на стыке объективно сложившейся социально-экономической и культурной реальности с идеологическими шаблонами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Планы политического отчета Центрального Комитета РКП(б) : (подготовительные материалы к XI съезду РКП(б)) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1975. Т. 45.
2. Троцкий Л.Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? Public Domain, 2009.
3. Резник А. Лев Троцкий и дискуссия о «новом быте» в контексте внутрипартийной борьбы 1923–1924 гг. // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности : материалы науч. конф. студентов и аспирантов (20–21 апреля 2012 г. Санкт-Петербург). СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 135–143.
4. Луначарский А.В. О быте. Л. : Гос. изд-во, 1927.
5. Глушенко И.В. Роль государственной власти в формировании культуры питания в СССР в 1920–1930-х гг. : дис. ... канд. культурологии. М., 2014. URL: <https://dlib.rsl.ru/01005547534>
6. Культурная революция. 1930. № 12, апрель.
7. Культурная революция. 1928. № 3, январь.
8. Ленин В.И. Программа РКП(б) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 38.
9. Женщина и быт. М. : Пролеткульт, 1926.

Badaev Evgeny V. Siberian Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia). E-mail: badaev2000@mail.ru

Biryukova Olga V. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: olga1.biryukova@yandex.ru

QUESTIONS OF “SOVIET LIFE” IN THE POLITICAL DEBATE OF THE 20-IES OF XX CENTURY

Keywords: everyday life; transformation; Soviet life; economy; proletariat; culture; education; V.I. Lenin; L.D. Trotsky; A.V. Lunacharsky.

The article aims to reveal the logic of the formation of ‘Soviet life’ practices in the context of the political debate of the 1920s. To achieve the goal, the methodological approach ‘image of the future’ was applied.

The sources used by the authors are the works of the Bolshevik leaders, V.I. Lenin, L. D. Trotsky, A. V. Lunacharsky (reports, speeches, and memoirs).

In the course of the study, the authors emphasize that after the establishment of Soviet power followed the process of imposing the Bolshevik ideology, including in everyday life. However, this was complicated due to the disproportion between the existing reality and the expectations of the authorities. Based on the opinions of the Bolshevik leaders the authors show how the government was going to influence society in order to establish new social relations as soon as possible. The key role in this process was assigned to the state.

In addition, the article analyzes specific elements in the formation of the ‘Soviet life’. The authors note that each of the politicians suggested his own mechanism for introducing new public relations. In particular, V. I. Lenin saw a way to change the life of the masses through education and elementary standards of hygiene. Leonid D. Trotsky supported Lenin’s standpoint and believed the formation of the ‘Soviet life’ practice to consist in solving utilitarian and pragmatic tasks. A.V. Lunacharsky connected the transformation of the everyday life of citizens with the project of creating the image of a Soviet personality. However, later the position of Lunacharsky showed its inconsistency.

Considering the positions of political leaders, the authors identified the key tools used by the state to form the new Soviet way of life. The main components included the creation of educational programs that would promote the introduction of new behavior rules for citizens' daily lives. In addition, it was proposed to hold a series of activities that would change the role of women in public and industrial life of the country (the emergence of interest clubs, the creation of service facilities, etc.).

Summing up the results of their study, the authors made the following conclusions: the formation of a new 'Soviet way of life' became one of the main tasks of establishing Bolshevik ideology; however, there was no clear "image" of what should be understood by the term 'Soviet life'. In this regard, the utilitarian and pragmatic approach prevailed, which was intended to trigger at the initial stage the process of creating new social and cultural practices in the domestic sphere, with the subsequent involvement of citizens in the development of the 'new way of life'.

REFERENCES

1. Lenin, V.I. (1975) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 45. Moscow: Politizdat.
2. Trotsky, L.D. (2009) *Predannaya revolyutsiya. Chto takoe SSSR i kuda on idet?* [A committed revolution. What is the USSR and where is it going?]. Public Domain.
3. Reznik, A. (2012) [Lev Trotsky and the discussion about the "new way of life" in the context of the inner-party struggle in 1923–1924]. *Konstruiruya "sovetskoe"?* *Politicheskoe soznanie, povsednevnye praktiki, novye identichnosti* [Constructing the "Soviet"? Political consciousness, everyday practices, new identities]. Proc. of the Conference. St. Petersburg. April 20–21, 2012. St. Petersburg: European University in St. Petersburg. pp. 135–143. (In Russian).
4. Lunacharsky, A.V. (1927) *O byte* [About everyday life]. Leningrad: Gos. izd-vo.
5. Glushchenko, I.V. (2014) *Rol' gosudarstvennoy vlasti v formirovanii kul'tury pitaniya v SSSR v 1920–1930-kh gg.* [The role of state power in the formation of food culture in the USSR in 1920–1930s]. Culturology Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: <https://dlib.rsl.ru/01005547534>.
6. *Kul'turnaya revolyutsiya*. (1930) 12.
7. *Kul'turnaya revolyutsiya*. (1928) 3.
8. Lenin, V.I. (1975) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 38. Moscow: Politizdat.
9. Anon. (1926) *Zhenshchina i byt* [Woman and Everyday Life]. Moscow: Proletkul't.